

никами красноречиво свидетельствуют о том, что римская провинциальная система представляла собой хищническую эксплуатацию завоеванных областей и вела к истощению их людских и материальных ресурсов.

В последней части труда Скалларда сосредоточены сведения по экономике, быту и культуре Рима рассматриваемого периода. Если в предшествующих частях книги военная и политическая история была представлена вне связи с экономическим развитием Италии, то в этом разделе экономическая и социальная история изложена почти вне связи с политической, представляя собой как бы приложение к книге. Пытаясь иногда связать экономическую историю с политической, автор модернизирует исторический процесс. В изменениях, происшедших в сельском хозяйстве в результате завоевания Италии, Скаллард видит распространение капиталистической системы, под которой он понимает спекуляцию землей и использование рабского труда (стр. 333). Завоевание Римом Средиземноморья приводит к еще большему развитию капитализма в сельском хозяйстве (стр. 334). Рабству автор уделил лишь две страницы (стр. 352 сл.). Здесь мы не найдем ни характеристики источников рабства, ни понимания отличий раннего, патриархального рабства от классического. На всем протяжении существования рабства автор видит в нем только язву, разъедающую римское общество. Скаллард не видит той значительной роли, которую в Риме III и особенно II вв. играл торговоростовщический капитал. Римские всадники неизменно определяются как «класс капиталистов». Стремление умалить роль экономических факторов в истории побудило Скалларда утверждать, в отличие от других модернизаторов, что интересы «класса капиталистов» не играли сколько-нибудь значительной роли в направлении римской политики. На самом же деле римские всадники, отражавшие интересы римского торгового и ростовщического капитала, играли в этот период очень значительную роль, толкая римское государство на захватнические войны. Деятельность Катона Старшего, а впоследствии Гая Гракха, не может быть понята без учета сильного влияния, которое оказывало складывающееся всадническое сословие на внешнюю и внутреннюю политику Рима.

Работа Скалларда дает еще один пример деградации современной буржуазной науки. В страхе перед народными массами буржуазные ученые дошли до того, что чураются слов «классовая борьба» и стремятся путем фальсифицированных и подтасованных исторических параллелей с древностью оправдать систему колониального грабежа и захватнические войны.

А. Ш. Немировский

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

О ЯЗЫКЕ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ ИЗ НИСЫ (ЮЖНЫЙ ТУРКМЕНИСТАН)

Надписи на черепках от глиняных сосудов, найденные близ Ашхабада, на городищах Старая и Новая Ниса, в результате работы Южно-Туркменистанской комплексной экспедиции в 1948—1952 гг., являются первыми памятниками письменности, обнаруженными в коренных областях собственно Парфии. Это в то же время одни из самых ранних письменных памятников, найденных на территории Средней Азии. Значение этих надписей особенно велико еще и потому, что очень многие из них находятся в прекрасной сохранности и имеют совершенно точную дату.

Новые памятники сразу же привлекли к себе внимание научной общественности. И мы должны быть весьма признательны руководителю экспедиции М. Е. Массону и коллективу авторов, в составе И. М. Дьяконова, М. М. Дьяконова и В. А. Лившица, сделавших все от них зависящее для того, чтобы первые находки 1948 и 1949 гг. (семь надписей) были возможно скорее изданы и таким образом стали доступны всестороннему научному исследованию¹.

Указанным авторским коллективом проделана большая работа по дешифровке первых находок. Они определили характер письма и установили чтение многих слов. Им удалось правильно истолковать значение ряда слов и — что особенно важно — наметить верный подход к датировке надписей. Кроме того, они обстоятельно охарактеризовали относящиеся к парфянскому времени письменные памятники. Однако нам кажется, что задача, которую поставили перед собой авторы, в основном осталась неразрешенной. Неверное, с нашей точки зрения, чтение и неправильное толкование некоторых имеющих решающее значение слов помешало им понять общий смысл надписей и установить их назначение. Мы не можем согласиться с данным авторами определением языка надписей².

¹ См. И. М. Дьяконов, М. М. Дьяконов, В. А. Лившиц, М. Е. Массон, Налоговые парфянские документы II века до н. э. из Нисы, «Материалы ЮТАКЭ», вып. 2 (1951). Все ссылки в тексте с указанием только страниц сделаны на эту работу. Из нее же взят приводимый в статье рис. 1. Указанный авторский коллектив именуется в статье для краткости «авторы» или «издатели первых находок».

10 января 1953 г. в собрании лингвистов и востоковедов, состоявшемся в Ленинградском отделении Института языкознания Академии наук СССР, автор настоящей статьи выступил с докладом на тему: «О языке вновь открытых надписей на территории Туркменской ССР», в котором он подверг всестороннему критическому анализу точку зрения издателей первых находок на природу нисийских надписей. В ВДИ № 4 за 1953 г. опубликована еще одна обстоятельная статья И. М. и М. М. Дьяконовых и В. А. Лившица, посвященная документам из Нисы. Так как авторы в этой статье развивают свою прежнюю точку зрения, то мои возражения в одинаковой мере приложимы к обеим работам указанных авторов.

² Авторы отстаивают ту точку зрения, что язык нисийских надписей — парфянский, а арамейские слова, составляющие их основу, являются идеограммами. Что же

Автор настоящей статьи намеревается, подвергнув филологическому разбору одну уже изданную надпись (на черенке VII, сохранившуюся лучше всех прочих) и семь еще не изданных надписей, определить язык нисийских надписей, выяснить их содержание и назначение и уточнить время, к которому они относятся.

Надпись на черенке VII (1949 г.)

1. bhbt³ znh mn krm³ ʔbzbr̄y
2. mn... hm X III IIII
3. hn³lt ʔl šnt C XX XX XX X III
4. hyty mhr̄dtk mdwbr

b ḥ b t³ (или же bhvt³). В этом слове я усматриваю широко употреблявшееся в различных диалектах арамейского языка название для сосуда, в котором хранили вино, ḥābītā¹ с предлогом b. Перевод слова: в сосуде. Произношение ḥābītā, т. е. ḥāvītā,

Рис. 1. Надпись на черенке VII

вызвано той особенностью арамейского языка, согласной которой смычные согласные b, g, d, p, k, t, если они не удвоенны, заменяются после гласного цельными согласными — bh, gh, dh, ph, kh, th. Следовательно ḥābītā = ḥābītā, т. е. ḥāvītā. Это произношение — древнее. Во всяком случае, повидимому, уже в IV в. до н. э. оно было заимствовано из арамейского в древнееврейском. Что же касается орфографии, то мы располагаем значительным количеством примеров, восходящих, правда, к источникам несколько более поздним, когда после гласного наряду с b и вместо b писали v(w). Так, ʿānāvā — зерно (Pea, 6, 7; 1, 2) наряду с обычным ʿanābā; dōvā — слезотечение (Targūm Jeruśalmī, I, Lev., 15, 3) наряду с dōbā (Targūm Onkelos, Lev., 15, 2 и сл.); lavlēv — смело идти навстречу (Targ. Jer., II, Ex., 14, 13—14) наряду с lablēb (Targ. Jer., I, там же); marvītā — ветвь (j. ʿOrla, I, 61 a; j. Maʿas., I, 49a) наряду с marḥītā (j. Šebiʿit, I, 33c); nēvātī, nēvātājā — набатей, набатей (j. Qidd., III, 64c; j. Nēd., I, 37a, VIII, 41a; Gen. R., 44 и 48; Šabb., 121 b) наряду с nēbātī, nēbātājā

касается назначения надписей и их датировки, то, как уже явствует из самого названия изданной авторами работы, они считают эти надписи налоговыми документами и датируют их II в. до н. э.

¹ Так в эдесском, вавилонском, палестинском и других диалектах. В Мишне говорится, что этот сосуд содержит 12 литров, см. Kelim, II, 2. Ср. J. Krenzel, Das Hausgerät in der Misnah, I, Frankfurt a. M., 1899, стр. 50 и сл.; G. Dalman, Arbeit und Sitte in Palästina, Cütersloh, IV, 1935, стр. 253, 378 и сл.

(j. Kidd., I, 61d; j. Šebī'it, VI, 36b); sēvastī (Sifra Bēh., IV, 10) наряду с sēbastī (Num. R., 10; греч. Σεβαστή) и т. д. Также в сирийском: ravreb вместо rabreb, ravrbā вместо rabrbā и т. д. Но надо заметить, что во многих нисийских надписях вполне возможно чтение ḥbt² (через b), так как в них буква b, когда она не в начале, а в середине слова, почти не отличается от буквы w (v). Примененное здесь scriptio defectiva (ḥbt² вместо обычного ḥvbt²) встречается часто и в других арамейских надписях. Так, напр., в элефантинских папирусах: mdnt² (наряду с mdynt²), 16,7¹; brt² (наряду с byrt²), 35,2; pslh (наряду с psyh), 31,9; šlt (наряду с šlyt), 2, 16—17; krb (наряду с kryb), 1,5; 13, 10; h^cdt (наряду с h^cdyt, 1 л. ед. ч. глагола 'dy, хаф'ел), 15, 35 и т. д. См. также Corpus Inscriptionum Semiticarum, ч. II, т. I, №№ 126, 127, 128, 136, где написано brk (вместо более обычного bryk).

Так как слово bḥbt² > bḥvt², которым начинается подавляющее большинство нисийских надписей, имеет решающее значение и для выяснения смысла надписей, и для установления их назначения, необходимо проанализировать толкование этого слова, предложенное вышеназванными авторами. Авторы пишут (стр. 30): «Согласно нашему мнению, слово ВḤWT² состоит из несамостоятельного предлога В- (bэ) „в“, „при“, „при помощи“ и именного образования ḤWT² от корня ḤWH, что в усиленной породе „на^cил“ означает „объявлять“, „показывать“, „указывать“, затем также „приказывать“. И далее (стр. 31): «Поэтому *ḥ³wūt^{hā} (менее вероятно — *ḥawwūt^{hā}) — вполне допустимая форма имени абстрактного от корня ḤWH со значением „то, с чем знакомятся“, „то, что показывают, предъявляют“; „уведомление“, „объявление“ или же „приказание“. На стр. 37: «Значением этого слова может быть, исходя из общего содержания текста, скорее всего „расписка“ (букв. „уведомление“ или „то, что предъявляют“). А при переводе надписей авторы всегда это слово переводят «по расписке (?)» (стр. 38, 40, 41, 42, 44).

С приведенным здесь толкованием слова bḥbt² > bḥvt² никак нельзя согласиться.

Глагол ḥw² встречается несколько раз в элефантинских папирусах (V в. до н. э.). В некоторых случаях (как, например, 26,7; 34,7; 69,1; Aḥīkar, 96) текст поврежден и установить значение глагола с полной уверенностью не представляется возможным. Во всех же тех случаях, когда текст сохранился полностью (как, например, 30,16; 31,15; 26,8; Aḥīkar, 93), глагол имеет обычно значение: известить, сообщить, дать знать, сказать, рассказать. В Книге Даниила (II в. до н. э.) этот глагол встречается 4 раза в интенсивной породе (2,4; 2,11; 2,35; 5,7) и 11 раз в аккузативной породе — хаф'ел (2,6; 2,7; 2,9; 2,10; 2,16; 2,27; 3,32; 5,12; 5,15). Во всех без исключения случаях он имеет значение: сказать, рассказать². Многочисленные примеры употребления этого глагола содержит Таргум Онкелос (арамейский письменный памятник II—III вв. н. э.). Здесь он имеет то же самое значение; этим глаголом, как правило, переводится библейский глагол haggēd. То же в Gen. R., 20,11.

Так обстоит дело со значением глагола ḥw² в производных породах в западно-арамейских диалектах.

В восточно-арамейских диалектах — эдесском и вавилонском — этот глагол имеет другое значение, а именно: показать³. Но язык нисийских надписей принадлежит к западно-арамейской группе; об этом неоспоримо свидетельствует ряд присущих ему характерных фонетических и морфологических признаков. Следовательно, глагол

¹ Все ссылки в работе на элефантинские папирусы сделаны по изданию A. Cowley, *Agamaic Papyri of the Fifth Century B. C.*, Oxford, 1923.

² Авторы ошибочно указывают (стр. 31), что в Кн. Даниила (5,12) встречается форма: *ḥ³wāyūt^{hā} 'обнаружение', 'толкование' — имя действия в породе аф'эл от корня ḤWH.

³ См., например, Šabb., 62a; Mēg., 16a; Ta'an., 25a; Sanh., 39a, 107b; В. Qama, 100a; 116b; Ḥāg., 5b. В редких случаях этот глагол имеет значение «показать» и в некоторых письменных памятниках, складывавшихся в Палестине. См., например, j. Kil., VII, 31a; Targ. Jer., II; Deut., 34, 1.

ḥw³ в надписях из Нисы мог бы означать лишь: сказать, рассказать, сообщить, а образованное от него имя действия или отвлеченное имя могло бы означать лишь: рассказ, сообщение.

Что касается ḥwt³ как формы имени действия от глагола ḥw³ в интенсивной породе, то такая форма не только фактически нигде не засвидетельствована, но и не может быть обоснована теоретически. Нам хорошо известна форма имени действия у недостаточных глаголов породы na^cel в разных арамейских диалектах. Так, мы находим ṣallā³ от ṣallē (Thr. R., 2, 4); ṣawwā³ от ṣawwē (Targūm Onkelos, Ex., 10, 1); dakkā³ от dakkē (Gen. R., 79, 6); bazzū³ от bazzē (Lev. R., 28; Mēg., 25b); tannū³ от tannē (Ta^can., 24a; Sanh., 106 b) и т. д.¹ Более того, в арамейской литературе неоднократно встречается имя действия и от глагола ḥw³ в интенсивной породе: оно имеет форму hawwā³ (см., например, Targūm Onkelos: Gen., 32,6; 43,6; Deut., 5,5).

Из сказанного с полной очевидностью следует, что предложенное авторами толкование начального слова подавляющего большинства рассматриваемых ишнейских надписей лишено оснований. Но если это так, тогда совершенно неоправданным оказывается утверждение авторов о том, что ишнейские надписи являются палоговыми документами парфянского времени.

znh — древнее арамейское указательное местоимение м. р. ед. числа. Оно встречается в арамейских надписях, начиная с VIII в. до н. э. (надписи из Хамата, Зенджирли, Суджина) и до II в. н. э. (надписи из Танг-и-Сарвака, №№ 1,3; ṣlm³ znh)². Как правило, в арамейском языке указательное местоимение следует за именем существительным. Так, например, в эфептинских папирусах №№ 1—34 в 38 случаях указательное местоимение znh следует за именем существительным и лишь в 4 случаях (13,12; 13,7; 30,20; 31,19) оно предшествует ему. В других арамейских надписях отступления от правила встречаются еще реже. Но зато совершенно непонятным становится, почему указательное местоимение znh следует здесь за именем существительным, а не предшествует ему, как определяющее слово, если согласиться с авторами, что «основная, повторяющаяся из документа в документ часть формуляра, несмотря на видимость сплошного арамейского текста, ... является серией отдельных арамейских идеограмм, переводимых на парфянский язык слово за словом» (стр. 55). Для парфянского языка такая последовательность слов мало вероятна.

Несогласованность в роде, которая здесь наблюдается (имя существительное — женского рода, а следующее за ним указательное местоимение — мужского рода), — явление не редкое в арамейском языке, как и в других семитских языках. В эфептинских папирусах, например, часто в номинальных предложениях субъект женского рода, а предикат мужского рода, или же субъект — указательное местоимение мужского рода, а предикат — имя существительное женского рода³. В надписи из Таксилы (Индия) говорится: pkydy znh (стр. 6)⁴. В других арамейских надписях находим: ṣlmt³ dnh «это женское изображение», ṣlt³ dnh «этот жертвенник»⁵ и т. д. С другой стороны, здесь, как и в некоторых других случаях, могло иметь значение и то, что в разговорном языке ишнейских ишцов грамматический род не различался.

¹ См. еще Th. Nöldcke, *Mandäische Grammatik*, Halle, 1875, стр. 263.

² См. W. B. Henning, *The Monuments and Inscriptions of Tang-i Sarvak*, Asia Major, 1952, II, стр. 151—178.

³ См. Ed. Sachau, *Aramäische Papyrus und Ostraka*, Lpz, 1911, стр. 273.

⁴ См. A. Cowley, *The First Aramaic Inscription from India*, «Journal of the Royal Asiatic Society», 1915, стр. 342—347.

⁵ См. Melchior de Vogüé, *Syrie Centrale, Inscriptions sémitiques*, Paris, 1868, №№ 13, 82.

²v z b r y (или же < ²bzbr y). Точное значение этого слова, следующего во многих надписях за словом k r m² — виноградник, повидимому, в качестве определения, пока еще не удалось установить. Авторы толкуют это слово следующим образом: ²wz // ²bz — пранское слово bāz «подать», осложненное префиксом ā-; этот префикс и вызвал спирантизацию в произношении b; br — пранское bar «несущий»; y = ē, флексия косвенного падежа; таким образом, ²vzbr y — (виноградник) несущий подать, податной (стр. 32—35). Это толкование вызывает серьезные возражения. Во-первых, нам неизвестно ни одного случая употребления bāz с префиксом ā-, хотя bāz — термин, широко распространенный в пранских языках с древнейших времен. Между прочим, в этой форме он встречается и в арамейском языке в заимствованном из персидского слове bazbānā — чиновник, взимающий пошлину у мостов (В. Batra, 167a). Во-вторых, bar «несущий» не может относиться к винограднику, так как случаи подобных сочетаний крайне редки; bar мог бы относиться, скорее, к владельцу виноградника, как плательщику подати, но о владельце виноградника здесь речи нет. Таким образом, совершенно независимо от того, какое другое значение может иметь слово ²vzbr y (или же ²bzbr y), предложенное авторами толкование этого слова должно быть оставлено, как произвольное.

Целью ли слово ²vzbr y < ²bzbr y отнести к категории заимствованных в арамейском языке сложных слов, второй составной частью которых является vār, bār — стена, вал, крепостная стена, городская стена? Я имею в виду: parvār, parvāra — пригород, передний двор (см., например, Halla, IV, 11; Tos. Tēr., II, 10; Tos. 'Ab. zaga, VII (VIII), 10; Giṭṭ., 8b; j. Meg. III, 74a и passim в арамейской переводческой литературе для передачи библейского слова migrāš)¹; prbr, prbrh в лидийско-арамейской билингве из Сард (V или IV в. до н. э.)²; ābarvār — городская стена (см. Šabb. 11b). Слово ²avāzbārī < ²abāzbārī могло бы, таким образом, значить: загородный, пригородный, собственно: за крепостной или за городской стеной находящийся (avāz < abāz наречие места: назад, сзади + bār стена, крепостная или городская, + ī приставка для образования относительного прилагательного)³.

Что касается орфографии, то сказанное выше при рассмотрении слова ḥvt < ḥbt² в полной мере относится и к слову ²vzbr y < ²bzbr y. Во многих случаях возможно чтение ²bzbr y, а встречающееся в ряде случаев написание ²vzbr y вполне соответствует нормам арамейской фонетики и орфографии.

m n h. p... .. ḥ m. Находящиеся во второй строке в промежутке между словами mn и ḥm буквы сохранились лишь частично. С дальнейшим изучением вновь открытых надписей написанное здесь, вероятно, сможет быть восстановлено почти с полной достоверностью.

ḥ m. Авторы толкуют это слово как ново-персидское хум — большой сосуд для хранения вина, масла, зерна и т. д. (стр. 36). Но это толкование исключается, во-первых, потому, что, как мы установили, первое слово надписи ḥḥbt² < ḥvt² значит: в сосуде, а во-вторых, потому, что в это время вряд ли в парфянском языке могла уже существовать усеченная форма ḥm; скорее, следовало бы здесь ожидать ḥwmb.

Можно предположить, что ḥm является аббревиатурой арамейского слова ḥmg — вино. Сокращенное написание слов, особенно представляющих технические термины, встречается часто уже в арамейских эфептских надписях. Так: ² = ²rdb, k = ksf, k = krš, s = s'h, ḥ = ḥlr, p = plg, m = m'h, r = rb', rb'p'; š = škl, š'rn; lf = ²lf, f = sfr и т. д. То же в палирских надписях, например, d = dnryn, bl = bl² и т. д.

¹ Ср. parbār I Chr., 26, 18, parvār II Reg., 23, 11.

² Sardis, VI, 1916, стр. 23—24 (Enno Littmann).

³ См. F. Müller, Kleine Mittheilungen, «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes», VIII, 1894, стр. 97; G. Salemann, Mittelpersisch. Grundriss der Iranschen Philologie, I/4, 1895—1901, стр. 319.

Но возможно еще и другое толкование. На некоторых черенках вместо обычного ḥm написано: ḥmḡ mdy . Трудно пока с определенностью сказать, что означает этот технический термин; но если понимать под ḥmḡ mdy — «опьяняющее вино», то с известным основанием можно допустить, что этот термин применялся в отношении вина, которое уже успело перебродить и в результате этого получить опьяняющее свойство и стать совершенно готовым к употреблению. Менее вероятным кажется предположение, что ḥmḡ mdy означает «мидийское вино», хотя «šēkār ham-mādī» — обозначение употребляющегося в начале нашей эры в Палестине и Вавилоне мидийского опьяняющего напитка (Pés. III, 1; j. Pés. 29 d) — представляет любопытную параллель. Не являются ли буквы ḥm аббревиатурой слов ḥmḡ mdy ? Между прочим, на одном черенке (II-44) вначале дано полное написание — ḥmḡ mdy , а немного дальше сокращенное написание — ḥm .

Цифры, следующие за буквами ḥm , указывают количество мер вина в сосуде. Первая цифра, имеющая вид небольшой горизонтальной черты, означает 10, а за десятой следуют девять единиц, из которых одна стерта почти полностью, а две — частично. Авторы полностью не уяснили себе значения горизонтальной черточки, встречающейся перед единицами в надписях на черенках II, III, VI и VII¹, и при толковании этих надписей оставляют ее совершенно без внимания. Между тем, не может быть никакого сомнения в том, что этот знак означает именно 10. Так, в одной арамейской надписи VIII в. до н. э. из Зенджирли число 30 обозначено тремя горизонтальными черточками —=; в арамейской надписи конца VIII в. до н. э. из Пиневии число 15 обозначено: II III—; в одной арамейской надписи VII в. до н. э. из Ассура число 50 обозначено: ==≡; в ряде арамейских надписей V в. до н. э. из Нишпура числа обозначались: 10 через —, 45 через II III==, 15 через II III—, 33 через III—= и т. д. Точно так же в финикийских и древнееврейских надписях². Это самый древний способ обозначения десяти, по крайней мере на арамейской почве. И этот способ, как мы видим, сохранили иврийские писцы.

ḥnḥt ḥ ḥnt . ḥanʿālā инфинитив глагола ḥanʿēl (хафʿел от ʿālal) — приводить, вводить, приносить, вносить. Эта аномальная глагольная форма засвидетельствована в Книге Даниила (2, 25; 4, 3; 6, 19) и в одном арамейском папирусе из Элефантины (15, 6—7; 24, 27). Форма ḥanʿālat в нашей надписи³ — либо сопряженное состояние инфинитива ḥanʿālā , либо инфинитив ḥanʿālā , написанный с древним женским окончанием -at. То обстоятельство, что между словами ḥnḥt и ḥnt находится предлог ḥ- не может явиться серьезным препятствием для принятия первого предположения. Сирийский язык дает немало подобных примеров. Точно так же и мандейский⁴. С другой стороны, и второе предположение может быть подкреплено рядом парал-

¹ Они считают ее разделительным знаком, напоминающим наш «дефис» (стр. 56).

² M. Lidzbarski, Handbuch der Nordsemitischen Epigraphik, I, 1898, стр. 198 и сл.; II, 1898, табл. XXIV (3) и XLVI (Zahlentafel); G. A. Cooke, Text-Book of North-Semitic Inscriptions, 1903, стр. 192; M. Lidzbarski, Ephemeris für semitische Epigraphik, III (1), 1909, стр. 14—17; L. Delaporte, Épigraphes Araméens, 1912, стр. 65, 68, 80, 81, 82; M. Lidzbarski, Altaramäische Urkunden aus Assur, 1921, стр. 17; M. Maisler, Two Hebrew Ostraca from Tell Qasile, «Journal of Near Eastern Studies», X (4), 1954, стр. 266.

³ Не « ḥanʿālūth », как полагают авторы (стр. 36); такой формы в арамейском языке не засвидетельствовано.

⁴ Th. Nöldke, Kurzgefasste syrische Grammatik, 1880, § 208; C. Brockelmann, Grundriss der vergleichenden Grammatik der semitischen Sprachen, II, 1913, стр. 232. Ср. в древнееврейском: Jes., 9, 2; 14, 6; Ps., 58, 5; Prov., 24, 9; Thr., 2, 18; I Chr., 6, 55; 23, 28.

делей из семитских языков. Так, в надписи Меша: *hbm̄t zʔt*, *hmslt*; точно так же в финикийских надписях¹. Однако, это предположение менее вероятно.

Употребление в нисийских надписях каузативной формы хаф^сел представляется вполне закономерным. Эта форма господствует и в древнейших надписях из Сирии VIII в., и в эфефанских папирусах V в., и в Книге Даниила II в. В последующих веках место хаф^сел в арамейской письменности занимает аф^сел. Так, например, в набатейских надписях (I в. до н. э. — II в. н. э.) форма хаф^сел встречается уже лишь как исключение (см. *hḫum* в надписи 70 г. до н. э., CIS, II, 349, и в надписи 95 г. н. э., CIS, II, 161). Однако окончательно хаф^сел в арамейском языке никогда не исчезал. Следы его мы находим и в позднейших (перусалимских) арамейских переводах (*Targūmīm*). И что особенно для нас важно — в форме хаф^сел встречаются там именно характерные для нисийских надписей глаголы *ʕalal* — входить и *ʔātā* — приходить². Остатки хаф^сел сохранились и в мандейском диалекте.

Выше уже указывалось обычное значение глагола *ʕalal* в каузативной породе. Но глагол этот имел еще и специальное значение, до сих пор не отмечавшееся, а именно: собирать урожай. Так, в арамейском переводе (*Targūm*): *wēṭjplāḥ lēh jat ʔarʕā ʔat ubānāḳ wēʕabdāḳ wēṭēʕūl* — «и так обрабатывай для него землю, ты, сыновья и слуги твои, и собирай произведения» (II Sam., 9, 10); *dī lāʕel mēʔarʕāk* «что ты соберешь с земли твоей» (*Deut.*, 26, 2); *zārē ʕin ʔattūn saggī ʔin umaʕālīn zēʕr* «вы сеете много, а собираете мало» (*Ḥagg.*, 1,6) и т. д. Здесь могло еще оказать влияние и то, что в арамейском *ʕālālā*, *ʕālaltā* (от глагола *bōʔ* — приходить, входить) и в ассиро-как в древнееврейском *tēbūʔā* (от глагола *eḡbu* — входить, приходить) означают: урожай. Надо также добавить, что глагол *hāknēs*, в арамейском являющийся синонимом глагола *hanʕel*, имеет также значение: собирать урожай (см. например, *j. Jēb.*, XII, 12 с; *j. B. Batra*, III, 14 а). Точно так же и хп^сел от глагола *bōʔ* в древнееврейском. Таким образом, выражение *hnʕlt ʕl šnt...* в нисийских надписях скорее всего означает: «сбор урожая за год...».

Употребление нисийскими писцами аномальной и чрезвычайно редкой формы *hanʕālā* лишний раз говорит против теории о том, что мы имеем здесь дело лишь с арамейскими идеограммами.

После слова *šnt* следует дата. Она начинается с единицы, за которой, повидимому, идет буква *ḳōf*, подчеркнутая слегка изогнутой линией. Эта буква обозначает сотню, а единица справа от нее указывает, что здесь только одна сотня. Авроманский документ III прекрасно подтверждает это. Правда, самые ранние сведения о том, что буква *ḳōf* имела числовое значение ста, относились до сих пор, насколько мне известно, только ко II и III вв. н. э. Так, *Elʕazar b. Šimʕon* (II в. н. э.) указывал, что числовое значение *ḳ* в слове *ḳōmēmijjūt* (*Lev.*, 26, 13) (II в. н. э.) указывал, что числовое значение *ḳ* в слове *ḳōmēmijjūt* (*Lev.*, 26, 13) равно 100 (*Num. R.*, 13, 22), а *Reš Laḳiš* (III в. н. э.) указывал, что числовое значение слова *ʕēḳeb* (*Gen.*, 26, 5) равно 172, т. е. *ḳ* = 70, *ḳ* = 100, *b* = 2 (*Gen. R.*, 64). Но нет никаких препятствий для предположения, что такое же значение имела буква *ḳ* и несколькими веками ранее. Любопытно отметить, что и в сирийской письменности буквы, используемые в качестве цифр, особо выделяются в тексте, обычно при помощи линии, проведенной над ними.

За знаком для сотни следуют три одинаковых знака, имеющих вид довольно высококой и несколько выпнутой черты, которая наверху загнута влево, а внизу — слегка вправо. Сравнительный анализ этих знаков и знаков для обозначения двадцати в раз-

¹ Z. S. Harris, *Grammar of the Phoenician Language*, 1936, стр. 58 и сл. Ср. в древнееврейском: *Jes.*, 33,6; 35,2 и т. д.

² G. Dalman, *Grammatik des jüdisch-palästinischen Aramäisch*, 1905, стр. 252; C. Brockelman, *ук. соч.*, I, 1908, стр. 525; W. Baumgartner, *Das Aramäische im Buche Daniel*, «*Zeitschrift für Alttestamentliche Wissenschaft*», 45 (1927), стр. 106 и сл.

личных арамейских надписях, в особенности в эфлантинских папирусах, а также в Авроманском документе III, дает все основания утверждать, что знаки, следующие за сотней, являются разновидностью уже известных нам арамейских знаков для обозначения двадцати. Они представляют стилизацию более раннего знака для двадцати, состоявшего из двух небольших расположенных друг над другом горизонтальных черточек, т. е. знаков для десяти, соединенных между собой при помощи черты, идущей наискось от правого конца верхней черточки к левому концу нижней черточки. Этот вывод наш подтверждается еще тем, что, как мы уже доказали выше, для десятков в нисийских надписях существует другой знак, а именно небольшая горизонтальная черта.

За знаками для двадцаток следует знак для десяти. О нем речь была выше. За знаком для десяти идут четыре единицы. Авторы неправильно считают последнюю единицу в нашей надписи как здесь, так и в предыдущей строке, а также последнюю, седьмую, единицу в 3-й строке надписи на черепке II, за «разделительный штрих, ... не принимаемый во внимание в счете знаков» (стр. 56)¹. Достаточно сослаться хотя бы на эфлантинские папирусы, где часто в числах крайняя единица длиннее всех предыдущих, толще их и имеет несколько иной уклон². Нисийские надписи никаких разделительных знаков не имеют.

Таким образом, в нашей надписи несомненно указана дата — $174 = 100 + (20 \times 3) + 10 + (1 \times 4)$. Предложенная же авторами дата — 133 должна быть оставлена. Точно так же должна быть оставлена указанная ими дата надписи на черепке II-140 и дата надписи на черепке I-134³. В действительности же в надписи на черепке II указана дата $180 = 100 + (20 \times 4)$ и в надписи на черепке I — вероятно, дата $164 = 100 + (20 \times 3) + (1 \times 4)$.

Так как в нисийских надписях, по всей вероятности, применено именно арнакидское летосчисление⁴, то можно считать установленным, что датой нашей надписи является 74/73 г. до н. э. Соответственно датой надписи на черепке II является 68/67 г. до н. э. и датой надписи на черепке I — 84/83 г. до н. э.

Нисийские надписи позволяют нам, таким образом, уточнить число, встречающееся дважды в Авроманском документе III, стк. 3 и 8. Не может быть теперь никакого сомнения в том, что число это не 54, как полагают Нюберг и др., а $65 = (20 \times 3) + (1 \times 5)$.

h u t u. Каузативная форма хаф'ел от глагола 'ātā—приходить: haytī — приводить, доставлять. Авторы переводят это слово: доставили («глагол, повидимому, употреблен здесь безлично», стр. 37) или доставь. Первое невозможно грамматически, а второе — логически. Нам известны из литературы случаи безличного употребления этого глагола. Так, в Книге Даниила, 5,3: *bēdajin haytīw mānē dahābā* «тогда принесли золотые сосуды»; там же, 6,25: *wa'āmar malkā wēhajtīw gubrājā* «и приказал царь, и привел людей». Таким образом, всегда haytīw, т. е. 3 л. мн. ч., но никогда haytī, т. е. 3 л. ед. ч. Форма же императива невозможна потому, что, как уже установлено нами, надпись не содержит никакого приказа или распоряжения. Слово h u t u может здесь значить единственно: доставил.

¹ В этом вопросе, как и в некоторых других, авторы следуют далеко безупречной работе Нюберга, посвященной анализу авроманских документов — H. S. N y b e r g, *The Pahlavi Documents from Avroman*, «Le Monde Oriental», XVII (1923), стр. 182—230.

² См., в частности, таблицы 3, 4, 5, 19, 20, 22, 52 в книге: Ed. S a c h a u, *Aramäische Papyri und Ostraka, Tafeln*, 1911.

³ Авторы, правда, иногда говорят и о другом, более правильном, понимании знаков для 10 и 20 (см., например, стр. 56, прим. 2, и стр. 57, прим. 1). Однако такое понимание кажется им столь мало вероятным, что свою работу они без всяких оговорок озаглавили: «Налоговые парфянские документы II века до н. э. из Нисы».

⁴ См. убедительную аргументацию авторов на стр. 58.

За словом *hyty* — доставил — следует собств. имя *Mhrdtk* («данный Митрой»)¹, а за ним — слово *mdwbr*, которое может значить что-то вроде виночерпий (*mad-u-bar*).

Перевод надписи: 1. В сосуде этом из виноградника загородного (?) 2. вина 19 (мер) 3. сбора урожая за год 174. 4. Доставил Михрадатак виночерпий².

Теперь рассмотрим несколько надписей новых, открытых в 1951 г. и до сих пор еще не изданных.

Надпись на черепке I, 58³

1. [bḥbt]ᶜ znh mn krmᶜ ᶜbzby zy bᶜpdk
2. [ḥmr] mdy X III III

Первые пять слов надписи были уже разъяснены при рассмотрении предыдущей надписи, где они составляют первую строку.

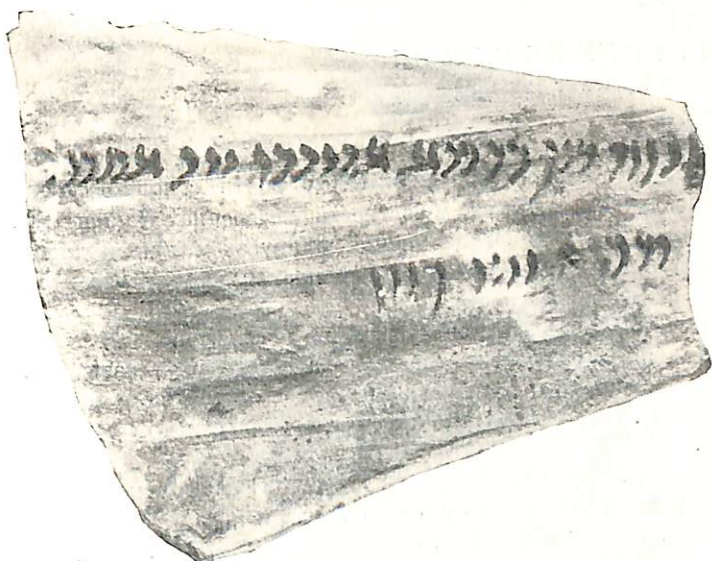

Рис. 2. Надпись на черепке I, 58

z y. Это — древнее относительное местоимение в арамейском языке. Впервые оно встречается в надписи на стеле Бар Хадада, царя Арама, найденной в 7 км от Алеппо и датированной IX в. до н. э.; употребление его может быть прослежено до II в. н. э. (см. надписи из Тапг-и-Сарвака, Хузистан, датированные 170—150 гг. н. э.).

bᶜ p d n k = b + ᶜpdn + k; b — предлог «в»; ᶜpdn восходит к древнеперсидскому слову *apadāna*, которое означает: дворец, летний дворец; k — пранский именной

¹ Непонятно, почему авторы принимают букву „k“ в конце слова за «разделительный штрих» и читают это имя *Mhrdt* (стр. 44).

² Авторы переводят эту надпись так: 1. По расписке (?) этой из виноградника податного, 2. из (местности) *Нлрк* (?) называемой, сосудов 8 (или 7), 3. взнос за год 133 4. доставили. Михрадат, счетовод (?). В примечании к цифре 7 они пишут: «менее вероятно 18 (или 17)», а в примечании к цифре 133 — «менее вероятно 173?».

³ Здесь, как и во всех последующих случаях, указывается экспедиционный инвентарный номер.

суффикс. Перевод слова $b^3pdk:$ во дворце¹. Слово *aradāna* перешло в арамейский язык, где получило широкое употребление. Звучало оно в арамейском, повидимому, *aradnā* и имело значение: загородный дом, дом, шатер, дворец².

В качестве параллели к форме «*aradanak*» могут быть указаны «*fratarak, fratara*» (от древне-персидского «*fratara*») в эфептинских папирусах (20,4; 27,4; 30,5; 31,5).

[$h m r$] $m d y$. Об этом термине см. выше. Ср. Ps., 75,9: *ja'in hāmar*. Слово *hmr* восстанавливается с полной уверенностью на основании ряда других надписей.

Перевод надписи: 1 [В сосуде] этом из виноградника загородного (?), что в (летнем?) дворце, 2. [вина] перебродившего 18³ (мер).

Надпись на черенке I, 66

1. $b^3hbt^3 znh mn krm^3 ^3bzby mn [^3rtbnwkn]$
2. $^3rth^3strkn k^3ry$
3. $hm XXI$
4. $hn^3lt ^3l šnt C XX XX XX X III$
5. $hyty ^3rtwr^3st mdwbr [zy mn]$
6. $sygby^3$

[3rtbnwkn]. Это слово восстанавливается почти с полной достоверностью на основании ряда других надписей, в частности на черенках I,72 и I,73. Имя 3rtbnw встречается несколько раз в эфептинских папирусах и как собственное имя (51,6), и как название одного из отрядов эфептинского гарнизона — *dgl ^3rtbnw* (6,3). Артабанукан — название местности.

$^3rt h^3strkn$ — Артахшатракан — название местности.

k^3ry ⁴ — *kērī*, пассивное причастие глагола *kērē, kērā* — называть: называемый, названный, называвшийся (пассивное причастие в арамейском может иметь также активное значение). Слова $^3rth^3strkn k^3ry$ были вписаны потом между написанными уже строками.

Если местность Артабанукан названа по имени парфянского царя Артабана II, правление которого продолжалось с 88 до 77 г. до н. э., тогда становится совершенно понятным, почему в надписи, относящейся к 74/73 г. до н. э., понадобилось указать прежнее название местности: новое название не успело еще за несколько лет окончательно привиться. С другой стороны, если наше предположение верно, то эта надпись, вместе с некоторыми другими, ей подобными, может служить косвенным доказательством правильности высказывавшегося рядом ученых мнения, что парфянскому царю Митридату II (123—88 до н. э.) наследовал именно Артабан II.

В третьей строке после цифр 21 была позднейшая приписка, которая не поддается пока достоверной дешифровке.

¹ Целым рядом весьма ценных указаний я обязан А. А. Фрейману.

² См. Mo'ed *qaṭan*, 12a; Bēr., 56a; Kēt., 62a; Kēt., 97a; Kēr., 6a; V. *qamma*, 21a, 12a; V. *mēš.*, 35a; Targūm: Jer., 43, 10 (перевод слова *šafṭr*). См. также в сирийском. Это слово встречается уже в Кн. Даниила 11,45 (аррадно, с суфф. 3 л. ед. ч.).

³ У четвертой единицы слева сверху имеется небольшая горизонтальная черточка, которая к единице не относится, а нанесена случайно. Если число состоит из 8 единиц, то эти единицы в нисийских надписях, как правило, составляют две группы, по 4 единицы в каждой, с некоторым промежутком между группами.

⁴ Это слово, встречающееся также в изданных авторами надписях, читается ими неправильно — *kērē* (см. стр. 35).

Рис. 3. Надпись на черепке I, 66

Рис. 4. Надпись на черепках I, 72

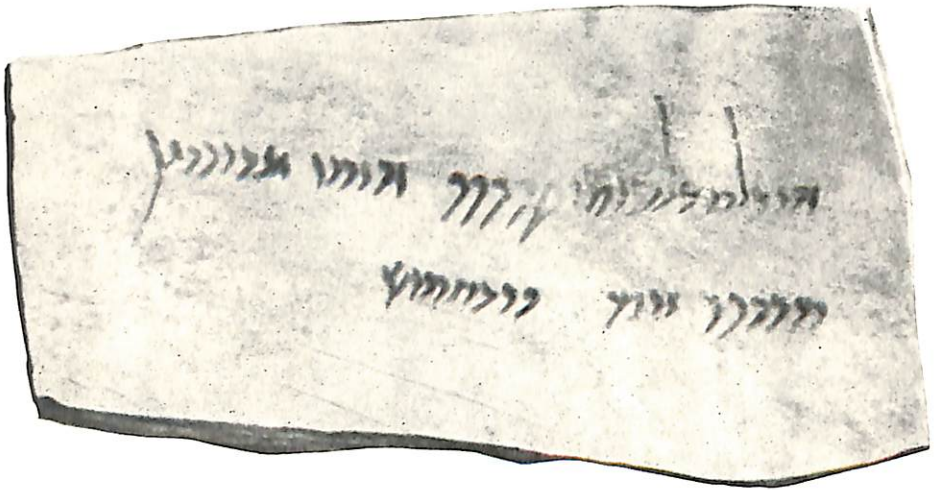

Рис. 5. Надпись на черепке II, 24

Рис. 7. Надпись на черепке I, 27

Перевод надписи: 1. В сосуде этом из виноградника загородного (?) в [Артабанукане], 2. называвшемся Артахшатракан, 3. вина 21 (мера), 4. сбора урожая за год 174. 5. Доставил Артаврашт виночерпий, [что из] 6. (местности) Сйгбйш¹.

Надпись на черепке II, 24²

1. hn'lt 'l šnt C XX XX XX XX hyty 'rybrzn
2. mdwbr zy mn wrgstyš

Перевод надписи: 1. сбора урожая за год 180. Доставил Арийабарзан 2. виночерпий, что из (местности) Вргстйш.

Дата надписи—68/67 г. до н. э.; таким образом, надпись относится ко времени правления Фраата III (70—57 гг.).

Надпись на черепке I, 64

1. l'ht' znh mn krm' 'bzbyr mn sygbyš
2. mn 'pdnk hm X III III
3. hn'lt 'l šnt C XX XX XX XX II
4. hyty 'pynysnk
5. mdwbr zy mn]
6. ktwky
7. bytršpk

ktwky bytršpk. Для объяснения этих двух названий можно было бы привлечь авроманские документы на греческом языке. Так, напр., в документе I местности, где находится виноградник, о котором там идет речь, обозначена следующим образом: ἐν ὑπαρχείᾳ Βαισεύροις πρὸς σταθμῷ Βαιθαβάρτοις ἐν κώμῃ Κοπάνει—«в иппархии Байсейра, около станции Байтабарта в селении Копанис» (А, стк. 6—7; В, стк. 6—7; ср. II А, стк. 3—4)³. Повидимому, в Парфии в это время, как и при Селевкидах,

Рис. 6. Надпись на черепке 1, 64

для определенных административных целей селения группировались вокруг находившихся на больших дорогах почтовых станций (σταθμοί), а известное количество последних объединяла иппархия — подразделение сатрапии. Очень возможно

¹ Содержание надписи на черепке I,72 то же, что и надписи на черепке I,66, только количество мер вина разное.

² Черепок сохранил лишь последнюю часть надписи.

³ E. H. Minns, *Parchments of the Parthian Period from Avroman in Kurdistan*, JHS, XXXV (1915), стр. 22—65.

поэтому, что в нашей надписи Ktwky является названием селения, а Bytršrk — названием станции (στρωμας).

Перевод надписи: 1. В сосуде этом из виноградника загородного (?) в (местности) Сйгбйш, 2. в (летнем ?) дворце вина 18 (мер) 3. сбора урожая за год 182. 4. Доставил 5. ийийенк 6. виночерпий, что из 6. Ктуки, 7. Бйтршнк.

Дата надписи — 66/65 г. до н. э.

Надпись на черепке I, 27

bḥbt³ znh ḥlh

ḥlh (в арамейской письменности обычно не h, а ʔ на конце) — винный укус или скишее вино.

Перевод надписи: В сосуде этом укус.

Надпись на черепке I, 77

1. bḥb [t]³ znh ʕnbyn

2. ḥnʕlt ʕl šnt C XX XX XX X III

ʕn b ā³ ми. ч. от ʕnbīn — виноград, изюм.

Перевод надписи: 1. В сосуде этом сушеные ягоды винограда 2. сбора урожая за год 175.

Дата надписи — 73/72 г. до н. э.

Произведенный нами филологический анализ некоторых типичных исийских надписей позволяет, таким образом, сделать следующие общие выводы:

1. Язык исийских надписей арамейский, а не парфянский, как категорически утверждают издатели первых находок 1948 и 1949 гг.

В пользу этого говорит ряд следующих фактов:

а) Исийские надписи составлены в полном соответствии с требованиями арамейского синтаксиса. В арамейской письменности могут быть без особого труда обнаружены многочисленные примеры грамматических конструкций, встречающихся в этих надписях. Случай несогласованности в роде, наблюдаемый в надписях (ḥbt³ — сосуд — ж. р., а следующее за ḥbt³ указательное местоимение znh — м. р.), имеет много параллелей как в известных нам арамейских надписях, так и в памятниках письменности

Рис. 8. Надпись на черепке I, 77

на других семитских языках, хотя не исключена возможность, что здесь оказал некоторое влияние разговорный язык исийских писцов, в котором грамматический род не различался. Как известно, письменный язык, сталкиваясь с разговорным языком иного строя, часто подвергается в той или иной степени деформации или, во всяком случае, приобретает некоторые своеобразные черты.

б) Нисийские надписи получают удовлетворительное объяснение только на основании арамейской лексики. То обстоятельство, что в надписях встречается известное количество иранских слов, ровным счетом ничего не доказывает. Некоторые из этих слов (как, например, ʾrdnk — дворец) были уже давно заимствованы в арамейском языке из персидского, а другие (как, например, ʾbzbrʾ загородный (?), mdwbr — виночерпий) представляют специфические местные технические термины. Исторические условия неминуемо привели к тому, что уже очень рано арамейский язык стал впитывать в себя иноязычные элементы: ассиро-вавилонские, персидские, греческие и т. д. Так, в Кн. Даниила мы находим следующие, происходящие из персидского, слова: adrazdā, azdā, osparnā, arīk, gizbār, dāt, haddām, zan, ništēwāna, sarbāl, paršegen, pitgām и т. д.; в древнейшем памятнике арамейской переводной литературы — Targūm Onkelos находим персидские слова: idrōn, pitgāmā, pat-šegen, naḥšīrkān, izgaddajjā и т. д.; даже в арамейских папирусах из Египта находим по крайней мере 20 персидских слов и много иранских собственных имен. То же относится и к другим арамейским памятникам. Что же касается встречающихся в надписях названий местностей и собственных имен, то было бы по меньшей мере странно требовать, чтобы в них обнаруживались арамейские корни.

в) В отличие от всех достоверно известных нам парфянских текстов, в особенности Авроманского документа III, также относящегося к I в. до н. э., арамейские слова в нисийских надписях никогда не имеют при себе иранских морфологических показателей и, следовательно, никак не могут считаться идеограммами.

Нам не должно смущать то обстоятельство, что в каком-то районе в Парфии в I в. до н. э. надписи составлялись на арамейском языке. В надписях из Танг-и Сарвака (ущелье к северу от Бехбехана в Хузистане) II в. н. э., по мнению Хеннинга, язык также чисто арамейский¹.

2. Раскрытое нами содержание надписей позволяет с большим основанием предполагать, что все нисийские надписи, имеющие подобное содержание, являются чем-то вроде этикеток к сосудам в винных погребах. В этом особенно убеждают встречающиеся различные коротенькие надписи, в которых речь идет не о вине. Такие надписи, как: bhbt' znh hlh «в сосуде этом винный уксус», или bhbt' znh ʿnbyu «в сосуде этом сушеные ягоды винограда», или bhbt' znh hmr' tyk² «в сосуде этом старое вино» — могли быть не чем иным, как этикетками к сосудам. Что же касается надписей, в которых говорится о вине, то они живо напоминают нам pit-šasia, навешивавшиеся на амфоры в древнем Риме, надписи на амфорах в древнем Египте³ и т. д.; в них, как правило, указывается: а) местонахождение виноградника, где вино изготовлено, б) количество вина в сосуде, в) год изготовления вина, г) лицо, ответственное за доставку вина из виноградника в винный погреб. Однако не исключена возможность, что, помимо своей основной цели, эти надписи должны были еще служить потребностям хозяйственного учета.

Из сказанного следует, что открытых до сих пор надписей далеко недостаточно для того, чтобы судить об официальном языке или языке канцелярий в Нисе в данный исторический период. Эти надписи имели чрезвычайно ограниченную область бытования, предназначаясь всецело к использованию лицами, в ведении которых находились

¹ W. B. Henning, ук. соч., стр. 169. Точно так же арамейским является язык надписи, найденной около Пул-и-Дарупты, к востоку от Кабула, несмотря на наличие в ней очень большого количества слов из северо-западного праkrita. См. W. B. Henning, The Aramaic Inscription of Asoka found in Lampāka, «Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London», т. XIII, ч. 1, (1949), стр. 80—88.

² Точно так же в арамейской литературе; см., например, Targūm Onkelos, Num., 6,3: ḥamar ʿattīk — старое вино. Старым считалось вино годовой давности.

³ См. W. Spiegelberg, Bemerkungen zu den hieratischen Amphoreninschriften des Ramesseums, ÄZ, 58, 1923, стр. 25—36.

дворцовые винные погреба, или ведавшим дворцовым хозяйством. Очень возможно, что этими же лицами, которые вполне могли происходить из какой-нибудь области Парфянского царства, где в той или иной степени господствовал арамейский язык, надписи и составлялись.

3. Почти все иврийские надписи, обнаруженные как в 1948—1949 гг., так и в 1951 г., датированы I в. до н. э.¹

И. И. Вилишков

ИСТОЧНИКИ КОРНЕЛИЯ ТАЦИТА И КАССИЯ ДИОНА ПО ИСТОРИИ ПОХОДОВ КОРБУЛОНА В АРМЕНИЮ

Середина I в. н. э. ознаменована острейшим кризисом римской политики на Востоке. Система обороны римского Востока, созданная Августом, одним из важнейших элементов которой было поддержание римского влияния в Армении с помощью римских ставленников на ее престоле, потерпела крах. Последний царь, посаженный на армянский престол волею Рима, Тигран VI, достигший власти в результате покорения Армении Гнеем Домицием Корбулоном, удержался в стране не долго. Успешные действия армянских и парфянских войск в борьбе с Римом и дипломатические переговоры, которые вел парфянский царь Вологес I с Корбулоном, привели к тому, что борьба двух держав за Армению закончилась компромиссом: Армения досталась царю из рода Аршакидов, но продолжала оставаться в номинальной зависимости от Рима. Это определило взаимоотношения Римской империи с Арменией и Парфией на весь последующий период вплоть до походов Траяна, а отчасти и позже, когда Адриан отказался от завоеваний своего предшественника, до конца II века.

В сохранившихся до настоящего времени источниках имеются только два более или менее связных повествования о походах Корбулона в Армению — в сочинениях Корнелия Тацита и Кассия Диона. Однако оба эти автора, особенно Дион, жили значительно позже описываемых ими событий, и потому чрезвычайно важно установить степень достоверности их известий и те тенденции, которыми проникнуты их труды по истории 50—60 гг. I в. нашей эры.

Первостепенное значение имеет прежде всего установление источников, к которым восходят повествования обоих авторов в отношении указанного периода.

Из трудов Корнелия Тацита (55 — после 112)² для истории восточной политики

¹ Исключение составляет лишь одна, обнаруженная в 1951 г., надпись, которая датирована 76 г. аршакидской эры. Датировка I в. до н. э. большинства изученных документов признана в настоящее время всеми советскими учеными, занимавшимися этим вопросом (см. ВДИ, 1953, № 1, стр. 169; № 4, стр. 115—116).

² Тацит родился не позже 55 г. В 74—75 гг. (Тас., Dial., 17). он — *juvenis admodum* (Dial., 1) к этому подходят сведения о карьере Тацита (Hist., I, 1, 3; Ann., XI, 11, 1) и о его браке (Agr., 9). Впрочем, *cursus honorum* не дает достаточной опоры для определения года рождения великого писателя. С другой стороны, Тацит родился не раньше 55 г. (Pilin., Ерр., VII, 20). Год смерти Тацита неизвестен. Обычно считают, что он умер после 115 г., так как в его сочинении упоминаются завоевания Траяна (Тас., Ann., II, 61, 2). Возможно, однако, что в данном случае идет речь не о Персидском заливе, а об Аравийском (современное Красное море), и имеется в виду покорение Аравии в 106 г. При таком толковании это место не имеет никакого значения для определения продолжительности жизни Тацита, так как Тацит упоминается в надписи Дасумия (EIL, 314), относящейся к 109 г., а его проконсульство в Азии падает примерно на 112—113 гг. Судя по размерам его сочинений, можно предполагать, что он жил еще долго спустя.

Римской империи при Нероне наиболее важны «Истории» («Historiae»), написанные около 107 г.¹ (они состояли из 12 или 14 книг; сохранившиеся книги охватывают события 69 и отчасти 70 гг.), и так называемые «Annales»², составленные после «Историй»³ их было 16 или 18 книг⁴, из которых сохранились первые четыре, фрагменты V, в значительной части VI и текст с середины XI до середины XVI книги, обрывающийся на последних годах правления Нерона).

Долгое время Тацит считался непреерекаемым авторитетом, и отпечаток его воззрений лежал на всей новой историографии империи⁵, пока под влиянием гиперкритицизма, с одной стороны, апологетического направления, стремившегося к оправданию первых императоров, оклеветанных, по мнению представителей этого направления, сенатской историографией, с другой, восторженное преклонение перед Тацитом не сменилось резко скептическим отношением к его известиям. Апологетическое направление, сыгравшее в данном случае главную роль, получило особенное развитие во французской историографии периода второй империи, а затем в немецкой буржуазной историографии времени второй Германской империи. Освобождение от авторитета Тацита Г. Шиллер считает одной из главных задач своего труда⁶; обвинения Тацита в «партийности» (ук. соч., стр. 139) и в небрежном пользовании источниками (стр. 478) встречаются у него постоянно⁷. Это мнение совершенно несправедливо. Не говоря уже о том, что Тацит прекрасно видел тенденциозность направления сложившейся при Флавиях историографии, резко враждебного императорам предшествующей династии (Тас., Hist., I, 1, 1—2), сам он является наиболее осторожным и добросовестным историком ранней империи. Это видно, например, из того, что, несмотря на враждебное отношение Тацита к Нерону, версия его в ряде случаев является наиболее благоприятной для этого императора⁸. Если у Тацита и встречаются отдельные ложные сообщения, особенно в истории Тиберия⁹, этого далеко не достаточно, чтобы брать под сомнение

¹ «Истории» написаны после 98 г., ибо в них говорится о «божественном Нерве Кесаре» (Тас., Hist., I, 1, 4). Датировка по Наае: так как Тацит говорит о том, что он «принципат божественного Нервы и империю Траяна ...отложил до старости» (I, 1, 4), то, очевидно, он был еще далек от нее, когда писал это. С другой стороны, намерение написать историю Траяна могло возникнуть только тогда, когда прошла значительная часть его правления. Разумеется, дата почти произвольна, ибо составляет среднее арифметическое между началом правления Траяна и предполагаемым началом старости Тацита.

² Настоящее заглавие, повидимому восходящее к автору, — «Книги от смерти божественного Августа» («Ab excessu divi Augusti libri»).

³ Тас., Ann., XI, 11, 1. Обычная опора датировки «Анналов» (II, 61, 2) указывает только на то, что они написаны после 106 г.

⁴ Число книг в обоих трудах предположительно. Иероним упоминает историю Кесарей от смерти Августа до смерти Домициана в 30 книгах, написанную Тацитом (Comm. in Zach., III, 14, 1—2).

⁵ Ср. Н. А. Машкин, История древнего Рима, 1949, стр. 26.

⁶ Н. Schiller, Geschichte der römischen Kaiserzeit, I, 1, Gotha, 1883, стр. V.

⁷ Стремление унизить авторитет Тацита доходило у некоторых новых авторов до признания «Анналов» и «Историй» подделкой Поджо Браччолини, см. Р. Носагт, De l'authenticité des Annales et des Histoires de Tacite, 1890. Из новых авторов Ошару следует А. Древе: если в более ранних изданиях своего труда (А. Древе, Миф о Христе, II, 1924, стр. 29) он заподозрил лишь одну главу (Тас., Ann., XV, 44), то в одностороннем совершенно переработанном издании этой книги (1926) А. Древе наряду с другими взаимоисключающими гипотезами высказывает предположение, что «Анналы» и «Истории» целиком сфабрикованы в XV в. (стр. 74—82).

⁸ Тас., Ann., XIV, 9, 1 — ср. Suet., Nero, 34, 4; Тас., Ann., XIV, 51, 1 — ср. Dio, LXII, 13, 3; Тас., Ann., XV, 39, 3 — ср. Suet., Nero, 38, 2.

⁹ Например, Тас., Ann., I, 4, 4, в сравнении со Suet., Tib., 11, 1—3. Но и здесь обычное для Тацита применение косвенной речи.